

Подсекция 2. Языковая парадигма в обучении иностранному языку и проблемы перевода

Типология и генезис современного иврита (альтернативная версия)

Амосова Т.В., ФМО БГУ

Язык иврит, являющийся одним из официальных языков Израиля, принято считать прямым наследником языка Горы и Мишны, возрождённым усилиями нескольких энтузиастов в конце 19 – начале 20 века. Под сомнение не ставился семитский характер этого языка. В 1990 году появилась скандально известная ныне работа Пола Векслера «Шизоидный характер современного иврита: славянский язык в поисках семитского прошлого». В этой работе автор предлагает пересмотреть историю официального языка Израиля, считая его генетически восходящим к идишу – индоевропейскому языку, который, в свою очередь, по мнению Векслера, относится не к германским, а к славянским языкам. Прямым предком идиша Векслер считает сорбский язык, который по сей день имеет своих немногочисленных носителей в юго-восточной Германии.

В 9–10 веках сорбский язык, будучи разговорным языком местного еврейского населения, претерпел релексификацию: славянская лексика была заменена преимущественно германской. То же самое, как считает Векслер, произошло с идишем на рубеже 19–20 веков. Но если релексификация сорбского проходила естественным путём, релексификация идиша была произведена по идеологическим соображениям.

Идеология сионизма требовала, чтобы язык еврейского населения Палестины носил восточный характер. Это помогло бы оправдать возвращение евреев в Палестину в качестве автохтонного населения.

«Восточный» народ должен иметь «восточный» язык, чтобы заселение Палестины евреями не выглядело как осуществление европейцами своей колониальной политики.

У Векслера есть много оппонентов в Израиле. В частности, в своей статье «Иврит как живой семитский язык» Гидеон Гольденберг указывает на то, что в израильском иврите сохранены многие специфические характеристики семитского языка, которые утрачены в других современных семитских языках, таких, как некоторые арамейские диалекты, эфиопский. И при этом никто не ставит под сомнение их семитский характер. Например, в вышеперечисленных языках отсутствует сопряжённая конструкция, разрушается триконсонантный корень, фонетика утратила семитскую специфику. Всё это сохранено до определённой степени в израильском иврите. Векслер специально подчёркивает, что дело именно в генеалогии, а не в типологии. Современный иврит характеризуется семитской морфологией и лексикой, но индоевропейскими синтаксисом, фонетикой и духом.

На то, что вокруг природы языка велась идеологическая борьба, указывает тот факт, что современный иврит долгое время не признавали отдельной языковой сущностью, стараясь представить его как прямое продолжение языка Библии. При этом утверждалось, что носители уродуют и искажают язык, не следуя нормам библейского образца. Революцию в этой области произвели израильские лингвисты-структуралисты, такие как Хаим Розен и Хаим Бланк, которые выдвинули тезис о том, что можно и должно изучать язык в его современном состоянии, а типичные ошибки признавать за норму существующего языка.

Признание современного иврита отдельным языком было первым этапом в деле демифологизации его возрождения. Второй этап – отрицание его семитского характера. Векслер считает, что современный иврит – это такой же искусственный язык, как эсперанто. Из личной беседы с членом Академии языка иврит профессором Сирилом Аслановым я выяснила, что его оппоненты рассматривают его работу как идеологически ангажированную, то есть антиссионистскую и склонны видеть в современном иврите семитский язык.

«Звуковые» слова во французском и русском языках и их перевод

Баранов А.А., БГУ

Под «звуковым» словом понимается любое слово, обозначающее звук, в т.ч. междометие и звукоподражание.

В сфере выражения звуковых впечатлений французский и русский языки имеют существенные различия. Во французском языке звуковые впечатления больше привязаны к определенному источнику звука. Отсюда — большая дифференциация, например, криков животных, в то время как акустическая структура звука (высота звука, зависимость его от характера движения и материала предмета, издающего звук, среды, в которой производится звук и т. п.) лексически разработана в нем в целом значительно меньше, чем в русском. При обозначении звуков в контексте проявляются все те общие закономерности французского словоупотребления, которые свойственны аналитическому языку: преобладание абстрактного наименования над конкретным, переносного над прямым, общего над специальным.

Абстрактное слово *bruit* заменяет любое другое, даже если оно имеется в языке.

При сравнении французских текстов с русскими постоянно отмечается семантическое согласование русских слов: в зависимости от характера звука в русском языке всякий раз выбирается особое звуковое слово, в то время как французский удовлетворяется своим неизменным *bruit*. Напри-